

RU

Эвиденциальность пересказываемости в турецком и японском языках

Хафизова И. И., Шафигуллина Л. Ш.

Аннотация. Цель данного исследования - выявление сходств и различий маркеров косвенной эвиденциальности, а именно эвиденциальности пересказываемости в турецком и японском языках на примере *-miş* (турецкий язык), *-soudesu*, *-rashii* (японский язык). Научная новизна данной темы заключается в отсутствии сравнительных исследований, рассматривающих маркеры косвенной эвиденциальности с точки зрения способа их выражения, роли в предложении, дополнительных грамматических значений, семантики, а также связи категории эвиденциальности с другими категориями. В результате можно сказать, что эвиденциальность в двух языках имеет типологические сходства, однако способ и форма выражения маркеров косвенной эвиденциальности различны, также категория эвиденциальности в двух языках имеет связи с отличными грамматическими категориями.

EN

Reportative Evidentiality in the Turkish and Japanese Languages

Khafizova I. I., Shafigullina L. S.

Abstract. The purpose of the study is to identify similarities and differences between markers of indirect evidentiality, namely, reportative evidentiality in the Turkish and Japanese languages, using *-miş* (Turkish), *-soudesu*, *-rashii* (Japanese) as examples. Scientific novelty of this topic is accounted for by absence of comparative studies that consider markers of indirect evidentiality in terms of the way they are expressed, their role in a sentence, additional grammatical meanings, semantics, as well as connection of the evidentiality category to other categories. As a result, it is possible to say that evidentiality has typological similarities in the two languages, however, the way and form of expressing markers of indirect evidentiality are different, furthermore, the evidentiality category in the two languages is connected to different grammatical categories.

Введение

Принадлежность японского языка к алтайской языковой семье, как и обоснованность существования самого термина «алтайская языковая семья», по-прежнему вызывает острые дискуссии в научной среде. Однако в отечественном востоковедении последние работы в этой области таких исследователей, как С. А. Старостин [4; 18], А. А. Бурькин [2], внесли значительный вклад в доказательство этой теории.

Сходство грамматического строя японского и алтайских языков, к которым относится турецкий язык, признается многими исследователями, споры возникают в основном при сравнении лексического и фонетического уровней языков [1, с. 22]. Неоднократно предпринимались и исследования в области сравнительного языкознания, сопоставляющие турецкий и японский языки. Перечислим авторов некоторых из найденных нами исследований: Ф. Карери [13], Р. Синдзато [17], А. Н. Далкиран [8], З. Генчер [10].

Категория эвиденциальности эксплицитно указывает на источник информации при сообщении говорящим каких-либо сведений. В разных языках эвиденциальность выражается различными средствами (морфологические, лексические) и создает различные оппозиции (увиденное / то, что не видел; знаешь наверняка / предполагаешь и др.). Поэтому данная категория, раскрывая, помимо грамматических функций, также и ряд особенностей языковой картины мира носителей языка, представляет особый интерес для сравнения. Кроме того, данная категория до сих пор является малоисследованной и в турецком, и в японском языке, существующие же исследования содержат принципиально разную типологию и описание данной категории, что определяет актуальность выбранной нами темы.

В данной статье с помощью метода сопоставительного анализа нами будут сравниваться конструкции *-miş* и *-soudesu*, *-rashii*, основное значение которых – передача смысла пересказываемости, одного из центральных

смыслов для косвенной эвиденциальности в турецком и японском языках. Для достижения данной цели мы поставили следующие задачи:

- дать типологию эвиденциальности в турецком и японском языках;
- охарактеризовать маркеры косвенной эвиденциальности (форма выражения);
- выделить основные эвиденциальные смыслы маркеров косвенной эвиденциальности (*-miş*, *-soudesu*, *-rashii*) в турецком и японском языках;
- рассмотреть маркеры косвенной эвиденциальности с точки зрения обладания ими временных характеристик и близости к другим грамматическим категориям.

Теоретической базой данного исследования послужили работы, посвященные категории эвиденциальности в общем, а также конкретно в японском и турецком языках. Среди работ общего характера нужно отметить объемное исследование категории эвиденциальности А. Айхенвальд [5], которое содержит одну из наиболее разработанных типологических систем данной категории. Значительный вклад в исследование категории эвиденциальности в японском языке внесли работы Х. Аоки [7], И. Мушин [15], В. М. Алпатова [1], в турецком языке – Д. Слобина и А. Аксу-Коч [6], Л. Йохансон [11]. Нами также была найдена статья, посвященная сравнительному анализу категории эвиденциальности в японском и турецком языках, написанная исследователями Д. Кахраманом и С. Бошналы [12], где в основном противопоставлялся единственный маркер эвиденциальности в турецком языке многообразию в японском языке.

Практическая значимость данной работы заключается в возможности применения результатов исследования как в преподавании восточных языков, так и в написании монографий сравнительного характера, посвященных алтайской языковой семье.

Типология эвиденциальности в турецком и японском языках

До сих пор не существует единой типологии категории эвиденциальности в турецком и японском языках: разные исследователи типологизируют их по-разному (так, Г. Демет [9] отходит от типологии эвиденциальности в турецком языке, предложенной Л. Йохансон (двухэлементная эвиденциальность [11])), также лингвисты выделяют различные конструкции со значением эвиденциальности. Так, в японском языке помимо общепринятых маркеров эвиденциальности *-garu*, *-soudesu*, *-rashii*, *-mitai*, *-youdesu*, включают *-n/-no*, *-tte*, *-hazu* и другие. В турецком языке такие формы, как *-miştir*, *-miş olmalı*, часть исследователей относят к маркерам перфекта, часть – отмечают у них и наличие значения эвиденциальности.

В данной работе мы обратимся к типологии, предложенной А. Айхенвальд. А. Айхенвальд выделяет два типа: косвенная эвиденциальность (источник информации не конкретизируется) и «прямая» эвиденциальность [5, р. 63]. И в турецком [11, р. 274], и в японском [14, р. 29] языках исследователи отмечают широкую распространённость применения эвиденциальности первого типа. При этом в обоих языках маркеры источника информации могут иметь место (обычно *niyuru to*, *niyotte*, *niyoreba* и др. в японском языке, *göre* – в турецком), но они не обязательны. Примеры (1) и (2) демонстрируют эксплицитное указание источника информации.

(1) *Haberlere göre, Biden Amerika'nın yeni başkanı olmuş* (здесь и далее примеры авторов статьи. – И. Х., Л. Ш.).

(2) *Nyu-su ni yoru to Baiden va amerika no atarashii daitoryou ni natta soudesu.* / Согласно новостям, Байден стал новым президентом Америки (здесь и далее перевод авторов статьи. – И. Х., Л. Ш.).

Второй важный критерий типологизации эвиденциальности, согласно А. Айхенвальд, – является ли источник информации первоисточником (под первоисточником здесь понимаются в первую очередь сенсорные/визуальные свидетельства) [5, р. 65]. Этот критерий часто опускается в описании турецкого языка в связи с отсутствием данного противопоставления в нем [11, р. 290]. При этом данный критерий приобретает значение для различения маркеров эвиденциальности в японском языке, поэтому в дальнейшем мы остановимся на нем более детально.

В целом при описании эвиденциальности обращают внимание на следующие смысловые оппозиции: «прямая» эвиденциальность – визуальное свидетельство / все остальное, сенсорное свидетельство / все остальное, косвенная эвиденциальность – инференция / все остальное (заклучения, сделанные на основе визуальных/сенсорных и иных свидетельств), умозаключение / все остальное, пересказ / все остальное, квататив / все остальное [5, р. 65]. Оппозиции могут быть как двухэлементными, так и многоэлементными, в одном языке могут иметь место несколько оппозиций. Турецкий язык принято относить к языкам с двухэлементной подсистемой косвенной эвиденциальности, в основном имеющей оппозиции: инференция / все остальное, пересказываемость / все остальное [3, с. 197]. Л. Йохансон выделяет еще оппозицию перцепция/все остальное [11, р. 274-275]. Однако мы будем придерживаться точки зрения В. Г. Гузева, который соотносит перцепцию с инференцией [3, с. 197]. Эвиденциальность в японском языке обычно также рождает двухэлементные оппозиции косвенной эвиденциальности многих типов: пересказ/непересказ, инференция / все остальное, умозаключение / все остальное.

Маркеры косвенной эвиденциальности в турецком и японском языках

Прежде чем переходить непосредственно к сравнению маркеров косвенной эвиденциальности в турецком и японском языках, необходимо сказать несколько слов о том, как категория эвиденциальности выражается

в турецком и японском языках, с помощью каких форм она образуется. Интересно, что и в турецком, и в японском языке категория эвиденциальности может быть выражена как синтетическими, так и аналитическими формами.

В турецком языке *-miş*, являющийся маркером косвенной эвиденциальности, представляет собой аффикс, то есть морфологическое средство, полностью грамматикализованное, имеющее точное грамматическое значение, присущее только ему. *-miş* присоединяется к основе глагола (глагол без инфинитивного *-mak*), существительным, прилагательным напрямую либо с прокладочной *-u* и тем самым образует синтетическую форму выражения косвенной эвиденциальности. Также с глаголом он может образовывать сложные времена: *-acakmış* (будущее субъективное), *-yormuş* (прошедшее продолженное субъективное). В то же время возможно его употребление в виде вспомогательного глагола *imiş*, который присоединяется только к существительным и прилагательным, он полностью эквивалентен *-miş*, но является аналитической формой выражения эвиденциальности. Пример (3) показывает варианты употребления данных форм в речи.

(3) *Bu kız çok güzelmiş / Bu kız çok güzel imiş. / Говорят, что эта девушка очень красивая.*

В японском языке на эвиденциальность указывают морфолого-синтаксические маркеры (вспомогательные слова выполняют свою синтаксическую роль в предложении). В японском языке наличествует большое количество маркеров эвиденциальности с перекрещивающимися значениями, тем не менее каждый выполняет свою функцию. Синтетические формы эвиденциальности прежде всего связаны с аффиксом *-garu*, который употребляется в том числе и в таких формах, как *hoshigatteimasu* (он/она хочет что-то), *shitagatteimasu* (он/она хочет сделать). Остальные формы относятся к аналитическим. Здесь ярким примером является *-rashii*. Он присоединяется напрямую к глаголам в простой форме в прошедшем и настоящем-будущем времени, к предикативным и не-предикативным прилагательным в их полной форме, существительным. Сам он является предикативным прилагательным и может выполнять в предложении роль определения, обстоятельства, сказуемого. Однако, имея несколько значений, в качестве маркера эвиденциальности *-rashii* используется как сказуемое, как в примере (4).

(4) *Yuki rashii desu. / Похоже, что снег.*

Интерес представляет маркер *-soudesu*. В. Алпатов рассматривает его как два омонимичных маркера [1, с. 408-409]. Первый присоединяется к глаголу в простой форме, прилагательным и существительным посредством связки *-da* в форме настоящего-будущего или прошедшего времени. Маркер *-soudesu-1* выполняет в предложении функцию сказуемого и является аналитическим средством выражения пересказывательности. Маркер *-soudesu-2* присоединяется ко второй основе глагола (форма деепричастия) и основе прилагательных, сам он представляет собой непредикативное прилагательное. В предложении он может выполнять различные функции и является синтетическим способом выражения эвиденциальности инференциальности. В примерах (5) и (6) показано употребление двух маркеров в контексте.

(5) *Kono hon wa omoshiroi soudesu. / Говорят, что эта книга интересная.*

(6) *Kono hon wa omoshirosoudesu. / Эта книга выглядит интересной.*

В данной работе интерес для нас представляет маркер *-soudesu-1*.

Смыслы эвиденциальности в турецком и японском языках

Основной смысл, который передает маркер *-miş*, – пересказывательность. Под пересказывательностью здесь понимается не только передача информации с чужих слов либо из других источников (пример (7)), но и передача содержания устных народных преданий, анекдотов – фольклора (пример (8)).

(7) *Bugün Burak gelmemiş. / Говорят, что Бурак сегодня не пришел.*

(8) *Bir varmış, bir yokmuş... / Жил да был...*

-miş также передает инференциальный смысл: заключение, построенное на основе воспринятого (сенсорная, визуальная, услышанная информация), как в примере (9).

(9) *Sen beni anlatmışsın. / Ты меня не понял [умозаключение на основе того, что собеседник сказал].*

Большой интерес представляют еще два значения аффикса *-miş*, немного отличающиеся от предыдущих. Первое – это значение воображаемости события, оно нечасто выделяется исследователями, однако Г. В. Гузев отмечает его наравне с другими, ссылаясь на научные работы носителей языка [3, с. 198]. В предложении (10) приведен пример данного значения.

(10) *Okula gitmeden arkadaşlarla dolaştımsın ve sokakta öğretmen ile karşılaştımsın. / [Представь, что] Ты не пошел в школу, гулял с друзьями и столкнулся с учителем на улице.*

Второе значение аффикса *-miş* – наличие экспрессивной коннотации. В этом случае возможны несколько вариантов. *-miş* способен передать значение «открытия», неожиданности случившегося, а также неожиданности того, что должно случиться (пример (11)).

(11) *Ben çok korkmuşum. / Оказывается, я очень испугался.*

В этом значении часто употребляется конструкция в будущем времени – *-acakmış* (пример (12)).

(12) *Yarın İstanbula gideyecekmışiz. / Оказывается, завтра мы едем в Стамбул [Действие было запланировано заранее, но я не знал об этом].*

Также *-miş* при употреблении его с формами 1-го лица (также с *-yormuş*) показывает ложность выводов, которые сделали окружающие (якобы это я, оказывается, это мы), как в примере (13).

(13) *Ben her gün cep telefonumu 15 saat kullanıyormuşum. / Якобы я каждый день по 15 часов сижу в телефоне.*

Еще одно значение маркера – сомнение в результативности выполненного действия (пример (14)).

(14) *Ben okumuşum. / Прочитать-то я прочитал [но ничего не помню].*

В японском языке маркер *-soudesu-1* способен передавать только смысл пересказываемости, при этом информация, передающаяся с помощью *-soudesu-1*, обычно опирается на достоверный источник, на первоисточник (пример (15)).

(15) *Kyou Tanakasan konai soudesu. / Сегодня Танака не придет [я знаю это от самого Танака].*

Интерес представляет маркер *-rashii*, который способен передавать и инференциальный, и пересказываемый смысл, хотя его употребление для выражения инференциальности более частотно. При передаче инференциального смысла источник может быть любого характера, не только визуальным, но обычно эти источники имеют косвенный характер. В этом состоит его отличие от маркера *-soudesu-2*. Данная разница показана в примере (16).

(16) *Fubuki rashii. / Кажется, метель [Я не смотрю в окно, но слышу, как ветер завывает в трубе].*

При передаче пересказываемости *-rashii* обычно используется, если источник информации непроверенный, вызывает меньше доверия (пример (17)).

(17) *Tanakasan wa konai rashii desu. / Танака не придет, услышал случайно от кого-то, не от самого Танака.*

Также при присоединении к существительным он может давать совершенно иное значение – похожий (*onna rashii* – по-женски, обладать женскими характеристиками). Для исследователей представляет большую трудность разграничение употребления маркеров эвиденциальности с перекрещивающимся значением в японском языке.

Маркеры эвиденциальности и временные значения.

Эвиденциальность и другие грамматические категории

В некоторых языках категория эвиденциальности развивается на основе глагольных грамматических значений, а именно перфекта. Так произошло и в турецком языке, который является языком с развитой видовременной системой. Перфект и формы эвиденциальности в турецком языке практически омоморфны (за исключением 3-го лица) [Там же, с. 196]. В связи с этим в турецком языке близка и связь категорий эвиденциальности и времени.

Аффикс *-miş* в предложении обычно передает значение отнесенности действия к прошлому (пример (18)). Однако при присоединении к существительным и прилагательным данный аффикс не передает временных отношений и может переводиться двояко (пример (19)).

(18) *Kız arkadaşına araba satın almış. / Говорят, что он купил своей девушке машину.*

(19) *Rusyada kışın hava çok soğukmuş. Rusyada kışın hava çok soğuk imiş. / Говорят, в России зимой очень холодно / было очень холодно.*

Также возможно употребление аффикса в составе сложного времени с аффиксами *-yormuş* (значение пересказываемости, действие происходит в момент речи), *-acakmış* (значение пересказываемости, действие произойдет в будущем), у которых передача экспрессивности является добавочным значением наряду с основным, временным.

В японском языке категория эвиденциальности не имеет тесных связей с видовременной системой, в свою очередь, и видовременная система японского языка не так развита, как в турецком. Поэтому в японском языке маркеры эвиденциальности не всегда содержат указание на время. Маркер эвиденциальности *-rashii*, изменяясь как прилагательное, способен сам принимать форму прошедшего времени. В случае с маркером *-soudesu-1* на время указывает форма сказуемого перед *-soudesu*, при этом *-soudesu* обычно используется в настоящем времени в утвердительной форме, хотя вопросительная форма также возможна.

Для японского языка большое значение имеет категория вежливости, которая делает предложения, содержащие однозначное утверждение, грубыми, слишком резкими. Именно в этом свете многие исследователи рассматривают категорию эвиденциальности в японском языке, например А. С. Охта [16], Н. Трент [19].

Заключение

В данной статье мы рассмотрели маркеры, передающие пересказываемость в турецком и японском языках, и пришли к следующим выводам.

1. И в японском, и в турецком языке для понимания источника информации нам нужен контекст.
2. И в турецком, и в японском языке формы выражения эвиденциальности могут быть как синтетическими, так и аналитическими. Для турецкого языка характерны синтетические формы, для японского же – аналитические. В то же время в турецком языке маркер эвиденциальности – морфологический, аффикс *-miş*, он грамматикализован, имеет точное, хотя и различное по смыслу, значение косвенной эвиденциальности. В японском языке это морфолого-синтаксические маркеры, их достаточно большое количество (в данной статье мы разобрали лишь несколько конструкций из более чем десятка возможных), тем не менее каждый употребляется в конкретных ситуациях, отличных по характеру первоисточника (визуальный/невизуальный, прямой, косвенный), и выполняет определенные синтаксические функции.
3. В обоих языках маркеры эвиденциальности могут передавать несколько значений (пересказываемость, инференциальность), что нетипично для многих других языков.
4. В японском языке сильна связь между категориями эвиденциальности и вежливости. В турецком языке существует связь между категориями эвиденциальности и перфекта. В турецком языке вперед выступает

экспрессивная функция языка, передача различных эмоциональных оттенков. Отсюда и наличие экспрессивной коннотации в категории эвиденциальности в турецком языке.

Данная статья является первым шагом в попытке обобщить имеющиеся разрозненные и часто противоречащие исследования по категории эвиденциальности в турецком и японском языках. Мы надеемся внести определенный вклад как в область сравнительного языкознания, занимающегося алтайскими языками, так и в изучение теоретической грамматики данных языков. Перспективу дальнейших исследований представляет разграничение категорий эвиденциальности, миративности и эпистемологической модальности в данных языках, а также обращение к праязыку.

Источники | References

1. Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. Теоретическая грамматика японского языка: в 2-х ч. М.: Наталис, 2008. Ч. 1. 559 с.
2. Бурькин А. А. О взаимном соотношении отдельных групп алтайских языков и об относительном объеме изменений в отдельных группах алтайских языков: «древние», «новые» и «новейшие» алтайские языки // Вестник угрюдения. 2014. № 4 (19). С. 21-33.
3. Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2015. 319 с.
4. Старостин С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М.: Наука, 1991. 190 с.
5. Aikhenvald A. I. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004. 452 p.
6. Aksu-Koc A. A., Slobin D. I. A psychological account of the development and use of evidentials in Turkish // Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology / ed. by W. Chafe, J. Nichols. New Jersey: Ablex Publishing Corporation, 1986. P. 159-167.
7. Aoki H. Evidentials in Japanese // Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology / ed. by W. Chafe, J. Nichols. New Jersey: Ablex Publishing Corporation, 1986. P. 223-237.
8. Dalkiran A. N. Nichito de-tabe-suni mirareru nihongo to torukogono zokkaku keishiki // Okayama daigaku daigakuin shyakai bunka kagaku kenkyuu. 2013. Vol. 36. P. 189-209.
9. Demet G. Evidentiality in Turkish: Native Speaker Judgment // International Journal of Language Academy. 2017. Vol. 5. P. 17-29.
10. Gençer Z. Japonca ve Türkçede Görünüş (Aspekt). Denizli, 2016. 359 s.
11. Johanson L. Evidentiality in Turkic // Studies in Evidentiality / ed. A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon. Amsterdam, 2003. P. 273-293.
12. Kahraman C., Boşnalı S. Türkçe ve Japoncada Kanıtsallık // Söylem Filoloji Dergisi. 2017. Vol. 2. № 2. S. 293-313.
13. Kareri F. I. Nihongoto torukogono doukyousei ni tsuite // Kotobano kagaku. 2006. № 19. P. 99-112.
14. Matsubara J. The Semantics and Pragmatics of the Japanese Evidentials -Rashii, -Sooda, and -Yooda: An Experimental Investigation. Evanston: Northwestern University, 2017. 209 p.
15. Mushin I. Evidentiality and epistemological stance: Narrative retelling. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2001. 244 p.
16. Ohta A. S. Evidentiality and politeness in Japanese // Issues in Applied Linguistics. 1991. Vol. 2. № 2. P. 21-238.
17. Shinzato R. Where do temporality, evidentiality and epistemicity meet? A comparison of Old Japanese -ki and -keri with Turkish -di and -mis // Gengou Kenkyuu (Journal of the Linguistic Society of Japan). 1991. № 99. P. 25-57.
18. Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. Etymological dictionary of the Altaic languages [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21271893> (дата обращения: 06.05.2021).
19. Trent N. Linguistic coding of evidentiality in Japanese spoken discourse and Japanese politeness. Austin: University of Texas at Austin, 1997. 471 p.

Информация об авторах | Author information

Хафизова Ильсеяр Ильгамовна¹
 Шафигуллина Лилия Шамиловна², к. пед. н., доц.
^{1,2} Казанский (Приволжский) федеральный университет

Khafizova Ileyar Ilgamovna¹
 Shafigullina Liliya Shamilova², PhD
^{1,2} Kazan (Volga region) Federal University

¹ liljakhafizva@yandex.ru, ² liliyashamilovna@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.04.2021; опубликовано (published): 31.05.2021.

Ключевые слова (keywords): сравнительный анализ; эвиденциальность; маркеры эвиденциальности; турецкий язык; японский язык; comparative analysis; evidentiality; markers of evidentiality; Turkish language; Japanese language.